

Научная статья
УДК 343.13
EDN DFTQHP
DOI 10.17150/2411-6122.2026.1.16-26

Формальное и фактическое значение доказательств при формировании их процессуальной силы в уголовном судопроизводстве России

Е.В. Брянская

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, veret.1976@mail.ru

Аннотация. Анализируя действующее законодательство и современную следственную, судебную практику, понятно, что процессуальная сила доказательств формируется в свете формальных источников, регламентированных Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ), но фактически при их оценке в общей совокупности, они имеют разное процессуальное значение на уровне внутреннего убеждения лица, в производстве которого находится уголовное дело. Несмотря на то, что каждое доказательство может быть собрано в соответствии с действующим законодательством, отвечать требованиям, которые предъявляет закон, в центральной стадии уголовного судопроизводства, на уровне внутреннего убеждения суда при определенных обстоятельствах — одно доказательство на фоне других, может иметь более весомое значение, которое в условиях непротиворечивости и взаимосвязанной логичности с другими доказательствами по делу, будет более убеждающим. В связи с этим в настоящем исследовании предпринята попытка изложить свое видение, что такое доказательства, раскрыть их свойства, проанализировать формальное и фактическое значение доказательств при формировании их процессуальной силы в рамках оценки доказательств при рассмотрении уголовного дела по существу.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, свойства доказательств, взаимосвязь доказательств, непротиворечивость доказательств, формальное и фактическое значение доказательств, процессуальная сила доказательств.

Для цитирования: Брянская Е.В. Формальное и фактическое значение доказательств при формировании их процессуальной силы в уголовном судопроизводстве России / Е.В. Брянская. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.1.16-26. — EDN DFTQHP // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 1. — С. 16–26.

Original article

The Formal and Factual Significance of Evidence in the Determination of Its Procedural Force in Russian Criminal Proceedings

E.V. Bryanskaya

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Saint Petersburg, the Russian Federation, veret.1976@mail.ru

Abstract. The analysis of current legislation, as well as modern investigation and court practice, makes it clear that the procedural force of evidence is formed in view of its formal sources regulated by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC of the RF); however, when assessed in aggregate, it

has different procedural value at the level of the inner conviction of a person responsible for the criminal case proceedings. Although each piece of evidence could have been collected in accordance with the modern legislation and corresponds to the legal requirements, in the central part of criminal proceedings, at the level of the inner conviction of the court, and under certain consequences, one piece of evidence could have more significance in comparison with others which, on the condition of consistency and logical connection with other evidence on the case, would be more persuasive. Due to this, the author attempts to present her own vision of the nature of evidence, describe its features, analyze its formal and factual significance in the development of its procedural force in the framework of assessing evidence when considering a criminal case on its merits.

Keywords: proof, evidence, properties of evidence, correlation of evidence, consistency of evidence, formal and factual significance of evidence, procedural force of evidence.

For citation: Bryanskaya E.V. The Formal and Factual Significance of Evidence in the Determination of Its Procedural Force in Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no 1, pp. 16–26. (In Russian). EDN: DFTQHP. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.1.16-26.

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) использует такой термин, как «юридическая сила доказательств». В свете теории доказательств, которая основывается на философской теории познания и логических приемах убеждения, мы считаем более корректным силу доказательств именовать — «процессуальная сила доказательств». Так, с учетом исторической и современной тенденции развития процесса доказывания, в уголовном судопроизводстве России издавна не теряют своей актуальности вопросы процессуальной силы доказательств. В частности, наиболее активно обсуждалась процессуальная сила отдельных источников доказательств в дореволюционных источниках, а именно, как до, так и после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года. В частности, Я.И. Баршев в своих научных трудах раскрывал сущность силы доказательств по уголовному делу, приводил алгоритмы их оценки в свете предмета доказывания и квалификации преступного деяния, особенностей личности субъекта преступления [1].

Мы же рассматриваем понятие процессуальной силы доказательств в качестве фактической реализации в процессе доказывания формально закрепленных источников доказательств (ст. 74 УПК РФ). Именно процессуальная сила является показателем того, какой источник доказательств по конкретному уголовному делу, в рамках которого доказывается квалификация преступного деяния, фактически, в совокупности и в условиях непротиворечивости другим источникам доказательств, имеет наиболее убеждающее значение.

В этой связи заметим, что в силу требований современной уголовной политики, уголовный процесс формируется в условиях оптимизации, что придает в некоторой степени оттенок формальности и поверхностности уголовно-процессуальной деятельности. Понимаем, что оперативность расследования уголовного дела и эффективность его рассмотрения в суде во многом зависят от качественности норм уголовного процессуального законодательства нашего государства, значит, оперативность не должна превращаться в формальность. Бесспорно, политические воззрения, как и явления

социальной жизни, всегда отражаются на формах уголовного процесса, и его история демонстрирует, что эти элементы часто были руководящими, но не всегда благоприятными для понимания и развития идеи уголовного суда.¹ Исторически нам известна теория формальных доказательств, факты политических репрессий, когда главным следственным приемом был «наган на стол», «лампа в лицо», когда приговор исполнялся немедленно, без возможности обжалования, и выносили его «тройки», «двойки», «органы НКВД», руководствуясь революционной совестью и правосознанием. Такие факты общеизвестные и присущи они были черной странице отечественного судопроизводства [2]. В настоящее время формируется судопроизводство в свете ст. 2 Конституции РФ, когда человек, его права и свободы — высшая ценность государства. Признание, соблюдение и защита прав, свобод человека и гражданина — обязанность государства. Так, в ежегодном послании наш Президент В.В. Путин подчеркнул: «Россия была и остается оплотом традиционных ценностей, на которых строится человеческая цивилизация... Мы все, граждане России, будем вместе защищать нашу свободу, право на мирную и достойную жизнь, сами и только сами определять свой путь, беречь связь поколений, а значит, непрерывность исторического развития, решать те задачи, которые стоят перед страной, исходя из нашего мировоззрения, наших традиций, верований, которые мы передадим своим детям»². Однако, в свете современной проблематики уголовно-

го судопроизводства Ю.П. Боруленков пишет: «Разнообразие научных исследований в области теории доказательств отнюдь не означает, что все ее проблемы получили свое достаточное разрешение, некоторые взгляды далеко не бесспорны и вызывают научную дискуссию. Более того, в свете перманентной реформы процессуального законодательства, появления новых тенденций в развитии доказательственного права требуют переосмысления постулаты теории доказательств» [3, с. 23]. Действительно, можем ли мы рассуждать о том, что в нашем уголовно-процессуальном законодательстве действует неформальная теория доказательств. Так, в качестве источников доказательств УПК РФ перечисляет формализованный перечень, начиная с показаний подозреваемого, обвиняемого, заканчивая иными документами (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Может сложиться впечатление, что никакие другие источники не могут оцениваться в качестве доказательств. Однако, отечественный законодатель отдает оценку доказательств на внутреннее убеждение судьи и в такой ситуации мы можем полагать, что формализованность источников нейтрализуется свободой судебного убеждения в их оценке.

Следовательно, можно полагать, что в настоящее время процесс доказывания основывается не только на теоретической концепции познания, а дополняет его аргументационно-логическая тенденция использования доказательств. Можно полагать, что процессуальная сила доказательств формируется с внутренней позиции, как содержательная, а с внешней стороны, как логическая и аргументационная — в аспекте их использования и моделирования совокупностью при убеждении в суде.

Заметим, что формирование значения, из которого вытекает настоящая сущность процессуальной и аргумен-

¹ Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие. Санкт-Петербург : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1878. с. 13.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февр. 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

тирующей силы доказательств, известно со времен Русской Правды. Именно к периоду действия Русской Правды уходят истоки классификации доказательств. Выделяли «главные» и «главнейшие» доказательства. При правлении Петра I была разработана система «законных доказательств», когда была установлена сила каждого в отдельности доказательства. Доказательства делили на «совершенные» и «несовершенные», на «негодных свидетелей». Прогрессивная судебная реформа 1864 года ввела оценку доказательств по внутреннему убеждению судьи, которая позволяла посредством аргументации в суде придать определенному источнику наиболее убеждающее воздействие.

При таких обстоятельствах понятие доказательств может рассматриваться в следующих условных проявлениях. Так, изначально, еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела, получаемая информация на предмет проверки наличия оснований возбуждения, выступает в качестве «сведений». По мере собирания «сведений», отвечающих законодательным свойствам доказательств, исходящих из надлежащих источников, с приданием процессуальной формы, после возбуждения уголовного дела и принятия решения как о привлечении лица в качестве обвиняемого, так и при составлении итогового решения на стадии предварительного расследования, сформированная совокупность «сведений», приобретает значимость «доказательств». Однако, отечественные ученые полагают, что информация, имеющая доказательственное значение, преобразуется в «полноценное доказательство» посредством процессуального оформления [4, с. 37]. По нашему мнению, в основу признания процессуальной

силы сведений о фактах в качестве доказательств закладывается не процессуальное оформление или закрепление, а итоговая оценка сведений в их совокупности лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Процессуальное оформление является сопутствующим элементом законного собирания и приобщения сведений к материалам уголовного дела. В основе придания сведениям процессуальной силы доказательства является оценка доказательств по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Как верно отмечает, в свете учений великого русского мыслителя и правоведа А.Ф. Кони, Е.Ю. Миронова: «судья, красной нитью пропуская через весь труд идею этического поведения и нравственно обусловленного принятия им решений, основанных на нестесненном ничем внутреннем убеждении и вложении в них всей доступной справедливости» [5, с. 71].

При рассмотрении уголовного дела в суде, в рамках реализации принципа состязательности, все те доказательства, которыми тактически пользуются стороны, приобретают значение «аргумента», как обоснованного непротиворечивой и логичной совокупностью доказательств, довода в целях убеждения. Использование «аргумента» отдается на усмотрение стороны в зависимости от выбранной тактики поддержания позиции по делу. Какая совокупность доказательств выбрана для убеждения, та и именуется «аргументами». После вступления приговора в законную силу все оцененные доказательства, не исключенные из оценки в качестве недопустимых, приобретают силу «установленного факта», значение того, что уже обоснованно, утвердительно и неопровержимо, разумеется, не исключая

возможности обжалования и пересмотра приговора суда первой инстанции.

Формирование «аргумента» происходит не хаотично. Все доказательства по уголовному делу придаются классификации. В основу систематизации доказательств закладывается их определенное предназначение, классификации формируются по содержанию, источнику получения, характеру связи с доказываемыми обстоятельствами и другим основаниям. В каждом основании классификации имеются общие признаки, в основе которых заложена их процессуальная значимость. Применительно к процессуальной силе доказательств необходимо понимать, что в основе придания тому или иному сведению качества доказательства, необходимо исходить из презумпции, основанной на вероятности. Вероятность посредством различных видов доказательств переходит в достоверность. Разнородность видов доказательств позволяет достоверно установить все признаки состава преступления. Классификация доказательств помогает их упорядочить и построить логичный алгоритм убеждения. Достоверность в алгоритме убеждения обеспечивается непротиворечивостью доказательств. Достоверность выступает основным показателем реализации теории познания в уголовно-процессуальной деятельности, первопричиной необходимости законодательной регламентации достижения истины и исследования доказательств по уголовному делу. Непротиворечивость, как составляющая достоверности, усиливает убеждающее воздействие, выступает залогом гармоничной совокупности доказательств, в аргументах, которые излагаются сторонами процесса в суде.

Достаточность доказательств рассматривается посылом оптимизации уголовного процесса с разработкой

универсального алгоритма следственных действий в зависимости от квалификации преступления, но с наиболее глубоким развитием судебно-экспертных исследований, которые вносят элемент искусства расследования. Залогом достаточности доказательств так же выступает непротиворечивая совокупность доказательств, обусловленная предметом доказывания по делу.

Свойство допустимости отвечает за законность способов получения доказательств, их надлежащий источник, соблюдение процессуального оформления и использования [6, с. 74]. Допустимость доказательств нельзя рассматривать в отрыве от такой категории, как признание их недопустимыми [7, с. 240]. Если доказательство получено с нарушением действующего законодательства, оно может быть признано недопустимым. «Недопустимость доказательства, т.е. отсутствие у него требуемой законом процессуальной формы, лишает какого-либо значения содержащиеся в нем сведениям» [8, с. 65], значит, утрачивается процессуальная сила и теряется возможность его использования в процессе аргументации. Однако, нам думается, что свойства доказательств нуждаются в доработке в свете юридической техники. «Процессуальные основания для рассмотрения дела включают в себя ситуации, когда требуется урегулировать важные процедурные моменты в суде первого уровня» [9, с. 94]. Например, статья 75 УПК РФ регламентирует основания признания доказательств недопустимыми, которые классифицируются в зависимости от тяжести процессуальных нарушений (существенные и несущественные, фундаментальные [10, с. 11]). Тогда как законодатель умалчивает о правилах восполнимости [11, с. 67] и невозможности доказательств, которые ранее

утратили юридическую силу и потенциально не могут быть оценены в общей совокупности допустимых доказательств.

Поскольку признание доказательств недопустимым не должно превращаться в борьбу любой ценой, лишь бы придать признак ущербности квалификации преступного деяния, мы поддерживаем судей, которые понимают трудоемкость следственной работы, человеческий фактор ошибок технического характера и дают возможность на восполнение ранее по делу доказательств признанных недопустимыми. Тогда как, такое обстоятельство, как возможность восполнить утратившее процессуальную силу доказательство, не стоит признавать проявлением нарушения принципа состязательности сторон. Восполнение доказательств направлено на объективность и справедливость рассмотрения дела по существу в суде первой инстанции.

Кроме того, мы считаем целесообразным регламентировать в УПК РФ самостоятельное свойство доказательств — взаимосвязь. Учитывая факты вынесения приговоров на основе только косвенных доказательств, которые отличаются опосредованностью сведений, что, в принципе, свойственно всем доказательствам по делу и сложно из совокупности доказательств выделить однозначно прямое доказательство, значит, взаимосвязь является условием в рамках которого возможна оценка доказательств в целях вынесения приговора. Взаимосвязь обеспечивает обоснованность одного доказательства другим, их подкрепление, выводит на поверхность понимание максимальной убедительности одного источника доказательств по отношению к другому.

Далее, обосновывая реальность не просто формальной, по принципу

«потому, что имеет место регламентированность законом», а фактической процессуальной силы конкретного доказательства, рассмотрим зависимость данного вопроса от предмета доказывания. Так, на теоретическом уровне до сих не получил своей однозначности и решения вопрос пределов предмета доказывания. Представители уголовно-процессуальной науки выступают за расширение предмета доказывания, что обусловлено спецификой расследования конкретных составов преступлений, установления их признаков.

Предмет доказывания предопределяет перечень следственных и процессуальных действий, поскольку именно в соответствии с предметом доказывания законом определяются источники доказательств, которые позволяют собрать сведения через средства, предусмотренные в УПК РФ. Следственные действия построены в качестве оптимального ресурса по установлению сведений, имеющих свойство достаточности для фиксации признаков состава преступления. Таким образом появляются основания для выделения ключевых доказательств.

Спецификой предмета доказывания отличаются особые производства: по делам несовершеннолетних, лиц с психическими расстройствами, по делам с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, посредством которого расширяется предмет доказывания, специфика видится в исследовании, а значит и в предмете доказательств в зависимости от инстанции рассмотрения уголовного дела.

Предмет доказывания не исчерпывает все обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела. Косвенные доказательства относятся опосредованно к главному факту, но в своей совокупности могут

свидетельствовать об обстоятельстве главного факта и закладываться в основу приговора. Предмет доказывания формирует программу доказывания, под которой мы можем понимать установленную нормами УПК РФ идеальную информационно-поисковую модель любого исследуемого преступления. В свете аргументации особое значение приобретает классификация предмета доказывания по отношению к обвинению — предмет обвинения и предмет защиты, от которой зависит тот алгоритм и тактика использования доказательств в целях убеждения. Главный факт предопределяет перечень ключевых, наиболее значимых доказательств по делу, что имеет отношение к формированию неопровержимости итогового оправдания или обвинения. Процессуальная сила доказательств видится в перспективе обеспечения их достаточности, поскольку закон обязывает лиц, несущих бремя доказывания, собирать доказательства в пределах предмета доказывания. От объективности предмета доказывания и совокупности собранных доказательств зависит грамотность установления квалификации преступления, что видится в качестве логичной операции, мыслительных приемов.

В той связи мы полагаем, что процессуальная сила доказательств — это фактическое значение конкретного доказательства, практическое качество в свете смыслового содержания доказательства, характеризующееся относимостью, допустимостью, достаточностью, достоверностью, взаимосвязанной и логичной подкрепленностью, которые позволяют на всех стадиях уголовного судопроизводства объективно обосновать обвинение или прекращение дела, оправдание, выступают надежным ресурсом при постро-

нии аргументации и рассмотрения дела по существу в судебном следствии, прениях и репликах сторон.

Когда доказательства собраны и приобщены к материалам уголовного дела в соответствии с законом и отсутствуют основания для признания в качестве недопустимых (ст. 75 УПК РФ), мы можем рассуждать об определенном их значении. Так, процессуальная сила доказательств должна отвечать требованиям законности: соблюдения процессуальной формы; приобщения к материалам уголовного дела надлежащим субъектом; потенциальной возможности в силу относимости, допустимости, достоверности, достаточности и взаимосвязанной непротиворечивости влиять своим содержанием на решение судьи.

Заметим, что значение понимания процессуальной силы доказательств помогает: систематизировать доказательства по степени их качества, исходя из этого, сформировать наиболее эффективную тактику аргументации; выбрать наиболее относимые доказательства в качестве контраргумента противоположной стороны; устранить противоречия в доказательствах; в прениях сторон логически построить тактику аргументации и представить совокупность доказательств, начиная с менее убедительных, переходя к нейтральным доказательствам, а в итоге речи к более убеждающим, помогающим сформировать безапелляционный вывод по факту преступного деяния.

Итак, мы понимаем, что эффективная результативность аргументации может иметь место только на основании процессуально сильной совокупности доказательств, подкрепляемых по принципу «одно другим», что обеспечивается через их соответствие свойствам доказательств и непротиворечивостью друг другу.

В этой связи отметим, что действующее законодательство предъявляет достаточно серьезные требования к качеству процесса доказывания. В зависимости от категории уголовного дела, от состава преступления, вменяемого в вину, формальные доказательства, регламентированные ст. 74 УПК РФ, и при оценке, не наделенные заранее установленной процессуальной силой, приобретают на уровне внутреннего убеждения судьи фактическую силу. Причина видится в том, что в зависимости от предмета доказывания по конкретному преступному деянию, решается вопрос его правильной квалификации. О фактической силе доказательств мы можем говорить и тогда, когда по уголовному делу в силу ст. 196 УПК РФ необходимо назначать в обязательном порядке экспертизу. А так же тогда, когда решаются вопросы оценочного характера, к примеру, в ситуации рассмотрения гражданского иска о компенсации морального вреда.

Интерес представляет фактическая сила доказательств, именуемых ключевыми. В частности, такой термин, как «ключевые доказательства» достаточно часто используется в решениях Европейского Суда по правам человека, в этой связи, наши правоприменители ошибочно считают, что данное понятие обязано своим использованием именно европейским установкам. В действительности с таким положением сложно согласиться. Понятие «ключевых доказательств» достаточно активно обсуждалось и использовалось советскими учеными, а именно в тех научных трудах, которые посвящались Нюрнбергскому процессу, уходят эти источники к 1947-49 годам. Именно тогда учеными активно приводились факты и анализировались доказательства, на основе которых построил убедительную и ос-

новательную речь государственный обвинитель Р.А. Руденко.

В частности, в качестве ключевых доказательств, которые фактически оказали убеждающее значение в наибольшей степени, оценивались свидетельские показания. Так, на Нюрнбергском процессе Международным военным трибуналом было допрошено в судебном заседании 116 свидетелей [12, с. 3].

Интерес представляет и то, что в 1966 году синонимом «ключевых доказательств» были «необходимые доказательства», о которых писал А.М. Ларин. О.В. Левченко в своей научной работе «Презумпции равенства всех видов доказательств по уголовному делу» писала о «незаменимых доказательствах» [13]. Н.Н. Пилюгин и А.С. Евстегнеев в монографическом исследовании «Доказывание на стадии предварительного расследования» упоминали термин «базовое доказательство» [14]. Следовательно, анализируя судебную практику и научные изыскания, мы можем полагать, что доказательства вполне могут быть классифицированы по основанию их процессуальной силы на формальные и фактические. В зависимости от сложившегося внутреннего убеждения судьи, разные источники доказательств фактически могут возыметь разное процессуальное значение, поскольку не весь формальный перечень доказательств может возыметь равную процессуальную силу на уровне внутреннего убеждения судьи.

Итак, на основании изложенного можно констатировать исторически сложившуюся тенденцию: все доказательства по процессуальной силе уравнивать невозможно. Разумеется, заранее, предубежденно, мы не имеем права придавать доказательствам преимущественную процессуальную силу.

В общей совокупности доказательств предъявляются одинаковые требования их оценки. Однако, фактически складывается так, что в зависимости от оснований признания допустимыми или недопустимыми, сущности уголовного дела, предмета доказывания, квалификации преступного деяния, необходимости обязательного назначения экспертизы, лиц, которые по делу проходят в качестве обвиняемых, подсудимых, мы понимаем, что все доказательства имеют разное значение, при рассмотрении уго-

ловного дела в суде могут быть представлены в различных убеждающих аргументах, в чем заключается основа тактического моделирования доказательств. Следовательно, процессуальная сила доказательств, будучи в призма возможностей сторон обвинения и защиты, основ состязательной концепции уголовного судопроизводства, имеет потенциал аргументирующей силы, посредством которой судья критически оценивает доказательства и выносит приговор по делу.

Список использованной литературы

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. — Санкт-Петербург : Тип. 2 отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841. — 297 с.
2. Веретенникова Е.В. Компенсация морального вреда реабилитированным в уголовном судопроизводстве России / Е.В. Веретенникова. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. — 208 с. — EDN QQCJ.
3. Боруленков Ю.П. Теория доказательств и доказывания: о содержании процессуальных доказательств / Ю.П. Боруленков. — EDN YWCXMD // Российский следователь. — 2019. — № 2. — С. 23–29.
4. Конин В.В. Процессуальное оформление доказательств как неотъемлемый элемент доказывания в уголовном судопроизводстве / В.В. Конин, К.А. Корсаков, Е.В. Сидоренко. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.4.36-43. — EDN UABTAE // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 4. — С. 36–43.
5. Миронова Е.Ю. Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года / Е.Ю. Миронова. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.3.69-82. — EDN BJWSCL // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 3. — С. 69–82.
6. Файрушина Р.Д. Способы признания доказательств недопустимыми / Р.Д. Файрушина. — EDN VKCMFJ // Право: ретроспектива и перспектива. — 2022. — № 1 (9). — С. 70–74.
7. Сурцев А.В. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе / А.В. Сурцев. — EDN UDKNEF // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 239–241.
8. Копейкина И.В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе / И.В. Копейкина. — EDN DOCQQW // Вестник науки и образования. — 2021. — № 7 (110). — С. 65–68.
9. Недобор А.Н. Перипетии в деятельности прокурора при поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции / А.Н. Недобор. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.1.88-98. — EDN MCZPUU // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 1. — С. 88–98.
10. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.Д. Назаров. — Санкт-Петербург, 2017. — 357 с.
11. Назаров А.Д. Восполнение пробелов предварительного расследования государственным обвинителем в суде / А.Д. Назаров // Актуальные проблемы правоповедения в современный период : сб. статей / под ред. В.Ф. Воловича. — Томск, 1998. — Ч. 3. — С. 67–68.
12. Розенблит С.Я. Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе / С.Я. Розенблит; под ред. И.Т. Голякова. — Москва : Юрид. изд-во, 1948. — 96 с.

13. Левченко О.В. Презумпция равенства всех видов доказательств по уголовному делу / О.В. Левченко. — EDN KIZWNL // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2007. — № 5 (40). — С. 190–193.

14. Пилюгин Н.Н. Доказывание на стадии предварительного расследования / Н.Н. Пилюгин, А.С. Евстегнеев. — Кострома : Изд-во КГТУ, 2008. — 174 с. — EDN QRBAYL.

References

1. Barshev Ya.I. *Foundations of Criminal Proceedings, as Applied to Russian Criminal Proceedings*. Saint Petersburg, Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1841. 297 p.

2. Veretennikova E.V. *Compensation of Moral Damages for Persons Rehabilitation in Russian Criminal Proceedings*. Irkutsk State University Publ., 2011. 208 с. EDN: QQNCIJ.

3. Borulenkov Yu.P. The Theory of Evidence and Proving: on the Content of Procedural Evidence. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2019, no. 2, pp. 23–29. (In Russian). EDN: YWCXMD.

4. Konin V.V., Korsakov K.A., Sidorenko E.V. Procedural Registration of Evidence as an Essential Element of Proof in Criminal Proceedings. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no. 4, pp. 36–43. (In Russian). EDN: UABTAE. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.4.36-43.

5. Mironova E.Yu. Moral Foundations of Criminal Procedure Activities under the Statute of Criminal Procedure of 1864. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no. 3, pp. 69–82. (In Russian). EDN: BJWSCL. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.3.69-82.

6. Fairushina R.D. Ways to Recognize Evidence Unacceptable. *Pravo: retrospektiva i perspektiva = Law: Retrospective and Perspective*, 2022, no. 1, pp. 70–74. (In Russian). EDN: BKCMFJ.

7. Surtsev A.V. Institute of Inadmissible Evidence in Criminal Proceedings. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 239–241. (In Russian). EDN: UDKNEF.

8. Kopeikina I.V. Inadmissible Evidence in Criminal Proceedings. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Herald of Science and Education*, 2021, no. 7, pp. 65–68. (In Russian). EDN: DOCQQW.

9. Nedobor A.N. Vicissitudes in the Prosecutor's Work of Supporting State Prosecution in the Court of First Instance. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no. 1, pp. 88–98. (In Russian). EDN: MCZPUU. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.88-98.

10. Nazarov A.D. *Investigation and Court Mistakes and the Criminal Procedure Mechanism of Eliminating Them: A Conceptual Basis*. Doct. Diss. Saint Petersburg, 2017. 357 p.

11. Nazarov A.D. Filling in the Gaps of Preliminary Investigation by the State Prosecutor in Court. In Volovich V.F. (ed.). *Topical Problems of Legal Studies in the Modern Period. Collected Papers*. Tomsk, 1998, pt. 3, pp. 67–68. (In Russian).

12. Rozenblit S.Ya.; Golyakova I.T. (ed.). *Testimonies of Witnesses and the Accused in the International Criminal Process*. Moscow, Yuridicheskoe Publ., 1948. 96 p.

13. Levchenko O.V. The Presumption of Equality of All Kinds of Proofs on Criminal Case. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, no. 5, pp. 190–193. (In Russian). EDN: KIZWNL.

14. Pilyugin N.N., Evstegneevev A.S. *Proof at the Stage of Preliminary Investigation*. Kostroma State University Publ., 2008. 174 p. EDN: QRBAYL.

Информация об авторе

Брянская Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, SPIN-код: 7719-0275.

Author Information

Bryanskaya, Elena V. — Ph.D. in Law Ass. Professor, Department of Criminal Procedure, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 1 Pilyutov Pilot Str., Saint Petersburg, 198206, the Russian Federation, SPIN-Code: 7719-0275.

Поступила в редакцию / Received 08.10.25

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.11.25

Принята к публикации / Accepted 27.03.26

Дата онлайн-размещения / Available online 27.04.26